

СВЕТЛАНА
ПЕТРОВА

ЛЕНТА
МЁБИУСА,
ИЛИ НИЧЕГО
КРОМЕ ПРАВДЫ

устный дневник
женщины
без претензий

Светлана Петрова

**Лента Мёбиуса, или Ничего
кроме правды. Устный дневник
женщины без претензий**

«Алетейя»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Петрова С. В.

Лента Мёбиуса, или Ничего кроме правды. Устный дневник
женщины без претензий / С. В. Петрова — «Алетейя», 2018

ISBN 978-5-906980-78-6

Как уживаются неприятие мира и восхищение им, вера и сомнения, оптимизм и пессимизм, любовь и ненависть, жизнь и смерть, начало и конец? Зачем природе человек? Двигается он к вершине смысла или петляет, как заяц, и достигает последней черты, увешанный потерями, словно добычей? Автор пытается найти свои ответы на вечные вопросы, раскрыть связь очевидно несвязуемого, а часто прямо противоположного, проследить в подробностях движения души, насколько это возможно. Понять истинные мотивы поступков, поискать оправдание отдельной жизни и тернистый путь к прощению. Встречи и разговоры с известными личностями, названными в романе подлинными именами, достоверны. Что касается откровений, обещанных в заглавии романа, тут обольщаться не стоит. Вспоминать правду трудно, иногда невозможно — душат неосуществлённые желания, упущенные шансы. Вдохновенная ложь милосерднее.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906980-78-6

© Петрова С. В., 2018
© Алетейя, 2018

Содержание

Мысли	6
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Светлана Васильевна Петрова
Лента Мёбиуса, или Ничего кроме правды.
Устный дневник женщины без претензий

© С. В. Петрова, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

* * *

*Жизнь – большой сюрприз. Возможно, смерть окажется ещё
большим сюрпризом.*
Владимир Набоков

Смерть – это повод поговорить о жизни.
Валерий Золотухин

Мысли

Не думать нельзя. Можно не плакать, не кашлять, не ходить в сортир, но пока человек жив, он думает, и не так уж важно, что умные мысли приходят редко, а разная чушь крутится постоянно – картинки, мелодии, обрывки разговоров. Вопреки обманным ощущениям, голова никогда не бывает пуста – чищу я зубы или наблюдаю, как соседка моет окна. Всякое движение, выражение, звук будят мысль, порой не связанную с тем, что в тот момент видят глаза или делают руки.

Прежде, когда время было туго набито делами, случалось, усталость подавляла мышление, а значит, по Декарту, я переставала существовать. Не спорю с великими, однако любые афоризмы не следует толковать буквально. Это лишь удачно выстроенные фразы, которые на проверку, если не иллюзорны, то сомнительны, они вырваны из контекста и оттого излишне конкретны. Декарт сам был дуалист. Мне по душе его главный тезис «Бог сотворил мир, законы природы, а далее Вселенная действует как самостоятельный механизм». Мой маленький внутренний мир вмещает и Вселенную, и бесконечность.

Иногда мысли скачут кое-как, толпятся, требуя разобрать себя по косточкам, по переживаниям. Без отдыха подбираю сравнения, аллюзии, выстраиваю слова наилучшим образом, как на письме. Профессиональная привычка. Из океана забвения всплывают белые корабли мечты, казалось бы, похороненные под обломками прошлого давно и глубоко.

Таинственные кладовые памяти! Жёсткому диску компьютера до вас далеко! Мозг – сложнейшее электронное устройство с готовой программой. Внутренние импульсы дают толчок, погружая меня в чувства минувшего так, словно это происходит сейчас, и я начинаю понимать вещи, о которых не догадывалась. Из триллионов комбинаций путем поиска связей складывается что-то новое. Как внешность человека – из тех же кирпичиков, но всегда другая, даже если похожая.

Современная техническая революция несомненно способствует деградации левого полушария человеческого мозга, подменяя некоторые его функции всевозможными гаджетами. Но остаётся много другого, чем техника не обладает, что к мозгу вообще не имеет отношения. Например, эмоции. Любовь, жалость, нежность или такие отвлечённые качества живого, как верность, жертвенность, героизм. Откуда они берутся, не в голове же рождаются?

Физиологи толкуют: серое вещество, извилины, клетки, нейроны..., мозг способен развиваться до непонятных пределов... Им виднее, но всё равно трудно представить, где прячутся бесчисленные образы, ощущения и тьмы слов. Там настоящий винегрет: и давно отжившее, чудом застрявшее в закоулках извилин, и сегодняшний день, от которого некуда деться. Всё перемешано, перепутано, перекручено, иногда что-то выделяется, то подчёркивая смыслы, то убивая. Некоторые годы, бедные событиями, слежались, как макулатура. Внутри периодов разной протяжённости скрываются детали, это и есть самое важное. Выковыриваю их из кипы впечатлений, очищая и придавая, насколько возможно, первоначальный вид.

Детали – как мгновения счастья, в них больше информации, чем в густом супе событий. Перебираю их с удовольствием, словно вдыхаю запахи забытых цветов. При этом не исключено, что отдельные соображения и моменты своего прошлого я выдумала, но не по умыслу, а на интуитивном уровне. Пережитое отложились в сознании навсегда, но ещё слаще вспоминать то, что не случилось, а так хотелось. И это тоже истинная правда. Ничего, кроме правды.

* * *

«Родиться, чтобы умереть. От этого можно сойти с ума. Смерть – главный вопрос жизни. Смерть – это когда кончается любовь. Но ведь она не кончается никогда, откуда же берётся смерть?»

Возможно, отгадка в том, что всякое начало имеет конец. Современные астрофизики утверждают, что конечна даже Вселенная. Правда, британский космолог Хайл думал иначе: Вселенная не имеет начала и конца, лишь галактики рождаются и умирают. Я тоже с ним не согласна, но не от большого ума, просто не могу представить бесконечность, а главное, это обрушит всю мою концепцию отношения к бытию.

Если же перейти от общего к частному – у Ксении умер муж, от инфаркта, а ведь держался петушком, хотя и был намного старше жены и, чтобы не нарушить порядок вещей, ушёл первым. Дело обыденное, смерть такое же обязательное звено возобновления материи, как и другие, но когда она касается близких, то превращается в катастрофу, глубину которой понять невозможно, пока тебя самого судьба не облачит в траурные одежды. И это опять-таки буднично – последний путь ожидает всех, даже оптимистов и любителей сюжетов со счастливым концом».

Примерно так я начала бы свою повесть.

Хоть облейся слезами и вырви сердце, мне не написать более складно и убедительно. Но кого может растрогать повседневность? И разве мы задумываемся о смерти, пока живы? Одни писатели и поэты. Ну, поэты – понятно, это отдельная популяция, они, скорее, инопланетяне, чем люди. А писатели? Социолог Жильбер Дюран взаимоотношением со смертью пытался объяснить способность человека к творчеству: *Воображение воображает потому, что перед ним разверзлась смерть. Воображение – это то, что заполняет собой всё пространство перед лицом смерти.* Кто постиг феномен смерти, тот способен воображать, а значит сочинять. Я не способна – ко мне понимание конца пришло поздно. Молодым редко хватает воображения. За исключением избранных, которые обладают им от природы – достаточно вспомнить первый роман девятнадцатилетней Саган. Она сумела проникновенно рассказать о смерти, ещё не пережив страшной сути слов, вспорхнувших из-под её пера.

Стать писателем нельзя, им можно только быть. Возомни я себя беллетристом, изображая, что вижу, этого никто бы не читал. Для писателя главное – хорошо уметь врать. Так убедительно, чтобы даже заправские скептики поверили. А с враньём у меня напряжёнка. Правда, в юности я рвалась в актрисы, что в сущности одно и то же – проживание чужих жизней, только средства самовыражения разные, а выразиться хотелось ужасно. Однако талантами природа меня обделила: не так уж умна, хотя мучаюсь вечными вопросами; с посредственной памятью, но обиды, как и любовь, храню бессрочно и в подробностях; с сомнительным чувством юмора. Да и внешность не сшибает с ног, правда, мужчины долго оборачивались мне вслед, но что их привлекало, бог весть: кто поймёт мужчин, они сами о себе ничего не знают.

В общем, ни в Театральный, ни в Литературный институт меня не приняли, пришлось закончить редакторское отделение Полиграфического. На судьбу обижаться глупо, а всё-таки щемит: почему голос у Марии Калойеропулу, красота у Нормы Джин Мортинсон, сочинительский дар у Авроры Дюпен, а у меня фига с маслом?

Это всё люди публичные, знакомые каждому, потому называю их собственными именами, а не псевдонимами. А кто, например, кроме немцев и физиков, знает имя Больцмана, которого Планк упомянул в нобелевской речи? Трудно смириться, что ты не лучший или хотя бы известный, а главное, не умеешь того, что умели они. Тебя не узнают на улицах и не похоронят при входе на Ваганьковское. Не для тебя будут нежно пукать медные трубы и греметь холостые залпы, гоняя кладбищенских ворон. Но самое оскорбительное, что ты не нужен буду-

щему. Там останутся деяния и имена тех, которые ещё востребованы, неважно, как давно и долго они жили. Вийон и Шуберт покинули мир в тридцать один год, Лермонтов в двадцать семь. И ничего, помним. Гёте активно прожил восемьдесят три – для XVIII века невероятно много. Зельдин до 100 лет играл в спектаклях, удивляя не столько талантом, который чуть выше среднего, сколько бодростью. Но, если мерить историю не длиной человеческих лет, а хотя бы эпохами, всех ждёт полное забвение. В крайнем случае, останутся лишь мифы.

Под бременем прозаичных соображений гордыню я обломала и кичусь этим приятным достижением. Не прорвалась в творцы и правильно сделала: болтаясь в арьергарде, легко испортить желчный пузырь и характер. Пришлось бы соперничать, гадать – лучше я других или нет? Очень беспокоит. А так я не боюсь забвения. Для себя мы вечны, а собственного конца – страшного и немого – не знаем и знать не должны.

Как мне назвать свой путь: удачным, потерянным, трагичным? Иногда он кажется счастливым, хотя в моменты счастья я этого не осознавала. Счастье приходит без стука и уходит по-английски. В общем, я прожила вполне обычную жизнь, утешаясь тем, что даже великие истины тривиальны. Жизнь вообще, за небольшими исключениями, состоит из банальностей, особенно жизнь обывателя, а не героя.

Зато инфаркт – чудесная болезнь. Не говоря уже о жутком раке, она много лучше инсульта, когда ломается компьютер, управляющий организмом, машинка начинает сбоить и разрешает мочиться в постель. А инфаркт – раз и всё. Чисто и ненавязчиво. Солоухин посвятил этой теме целую повесть «Приговор», помнится, там есть слова: «Так выпьем же за сердечно-сосудистую!» Выпили.

Однако у врачей здравомыслие завязано в морской узел клятвой Гиппократова, а тут ещё давняя дружба. При нулевых шансах коллега моего мужа Артём, лучший кардиохирург нашей южной здравницы, пытался его спасти. Каталку срочно направили в операционную.

Я засемила рядом, на ходу схватив Кирилла за руку.

– Бедная маленькая Мышка, как ты будешь одна? – прошептал он запавшими без вставных челюстей губами, сожалея, что не может уберечь меня от этой неприятности, своей смерти. Непривычно, что муж не пытается внушить надежду. Потом догадалась: он готовил меня к своему отсутствию, к горькому уделу того, кто остаётся на перроне, когда все уехали.

Каталка застучала в глубине коридора на стыках старого линолеума. Я улыбнулась сквозь слёзы и помахала растопыренной пятернёй:

– Пока-пока, всё будет хорошо!

Но граница бессилия любви уже обозначилась.

*И ничего не изменила
Вдали обещанная встреча,
И никого не защитила
Рука, зовущая вдали.*

От жалости к Мышке, оставленной на милость судьбы, слёзы выступили у меня на глазах. В детстве отец читал мне сказку «О глупом мышонке». На самом деле это мама-мышь страдала идиотизмом, поручив присмотреть за малышом доброй тёте Кошке. Кошек что ли никогда не видела? Когда дура-мышь вернулась из магазина, колыбелька была пуста. С тех пор я подозрительно отношусь к кошкам и симпатизирую мышам, а прозвище, данное мне Кириллом, очень люблю. Точнее любила: больше так меня никто не назовёт.

Несколько часов я провела в кабинете главного врача, внимательно разглядывая кучку скрепок на письменном столе. Некоторые жили отдельно, другие держались вместе, сцепившись по нескольку штук, этим наверняка легче. До тошноты хотелось повернуть время вспять. Ещё минуту назад всё было как всегда, и вдруг вагон жизни покотился по другим рельсам и

ничего нельзя сделать. Постигнуть можно, но где взять мужество, чтобы смириться? Говорят, Бог посылает испытание по силам. Так ли уж Всевышний точен в расчётах? Грамм туда, лиш- ний грамм сюда – и рвутся трепетные нити.

И чего мужчинам не живётся? За ними ухаживают, как за малыми детьми, прощают взбрыки и даже, кому требуется, опохмелиться подносят, а они всё одно – мрут, как мухи. И одиночество переносят хуже. Им нужны спутники, чтобы ощущать себя важной персоной. Где- то у Чехова: даже самый захудалый мужичонка женится только по выбору. К тому же большин- ство мужчин не приспособлено к быту. Сначала их опекает мама, потом жена или любовница, заботиться о себе самому непривычно и даже как-то унижительно, поэтому слиться на тот свет первым – хороший вариант. В театрах, кино, музеях, в центрах социального обеспечения – одни старухи. Разве это по-божески?

Вошёл Артём Григорьевич в зелёной шапочке, с потными подглазьями и молча обнял. Всё ясно: муж, который был рядом так долго, что стал частью меня, отделился и претерпел необратимую метаморфозу. Мы привыкли относиться к смерти, как к детской страшилке: волк проглотил бабушку, но она вылезла из шерстяного брюшка живёхонька. Водятся волки, кото- рые едят бабушек, дедушек и даже маленьких деток взаправду.

Сидя в кабинете, я об этом думала, поэтому не удивилась и бодро последовала за врачом, разминая затёкшие ноги. Но, когда с лица покойного убрали простыню, отшатнулась, словно от удара наотмашь: смерть перестала быть словом и приобрела сущность, которую можно потро- гать.

Кирюша выглядел обычно, без видимых следов страданий. То же тело, из тех же хими- ческих элементов причислили к мёртвым. Зачем? Только потому, что во вселенской квартире тесно, погулял и вымётывайся? Странная идея посетила Бога. «Что отгородило моего мужа от мира живых?» – мысленно вопрошала я Того, Кто упорно не желал отвечать. Подобный вопрос возникал у меня и прежде, то удаляясь, то пугающе приближаясь, теперь он заслонил видимое пространство, настойчиво требуя разрешения. Не к месту и не вовремя. Но, возможно, именно несуразности порой удерживают нас от безумия, и я напряглась, соображая.

...Организм – всего-навсего машина, которая трудится по законам физики, потребляя энергию химических веществ и солнца. Детали изнашиваются, трение увеличивается, движе- ние замедляется, остановка – и человека нет, лишь хлам для свалки.

Или механика тут ни при чём? Сердце – волшебный перпетум мобиле, оно сокращается, получая заряд от неизвестного источника. Считать топливом хлеб и картошку слишком при- митивно. Причина остановки – перерождение материи вследствие усталости души. Мы живы, пока она нас не покинула. Неодарвинист Вейсман считал смерть двигателем эволюции. Какая, к чёрту, эволюция, какие физические правила! Вдохнуть жизнь в эту сложную структуру может только нездешняя сила. Но чего же душе не хватает, если она так настойчиво стремится на ПМЖ в параллельный мир? Есть гипотеза: перестав существовать, мы в каком-то другом виде перемещаемся в пространство с другими понятиями и категориями. Пусть. Неважно. Главное, интересно, как это выглядит и выглядит ли?

А может, Кирилл всегда был лишь проекцией моего сознания и умер, потому что я пере- стала чувствовать его как себя? А ведь перестала, хотя не помню – это произошло, когда я ему изменила, или когда у него поседели волосы внизу живота, или когда он вставил искусствен- ные челюсти, после чего я ни разу не поцеловала его всерьёз, только чмок-чмок. Тогда у меня самой были только две коронки и даже зубы мудрости на месте. Ныне собственные протезы вызывают у меня такую же брезгливость. Думаю, Кирилл страдал от осмысления того, что увя- дающая материя гасит влечение. Нет, не то...

Муж – почти чеховский персонаж, радел за бедных, взяток не брал, а когда совали деньги в карман, вопил от ужаса и возмущения. Его удручали бессмысленная бумажная возня, нехватка лекарств и времени на пациентов, отношение к больным как к статистической еди-

нице, а не как к близкому родственнику. Вызывали неприятие далёкая от реальности перестройка медицины при системно усыхающем бюджете, и без того неприлично низком, закрытие маленьких больниц и фельдшерских пунктов. Говорил, что это вредительство, подготовка к платному лечению нищего населения, что уровень смертности обязательно возрастет, потому что медицинская помощь нужна здесь и сразу. Если б не дурная реформа, он не ушёл бы на пенсию, когда неостребованность обернулась инфарктом. Если, если бы... Опять не то.

Мысли путаются. Вдруг выделилась одна, главная, больно звякнув внутри черепа лопнувшей струной: мой муж умер, приговор окончательный и обжалованию не подлежит, он перешагнул черту дозволенного, и это наше последнее свидание. Я потянулась и обхватила неожиданно тяжёлую, ещё не остывшую голову. Прежде боялась прикасаться к покойникам, хотя ещё Владимир Мономах учил: *Не страшились видеть мёртвых, ибо все умрём*. Действительно, оказалось нормально, и я ещё теснее прижала голову к себе, как прижимают кусок собственной плоти, отрезанной зловредным орудием, прижимают изо всех сил в тоскливой надежде, что приживётся, прирастёт и всё будет по-прежнему, а случившееся – нелепый сон.

Однако сон длился наяву. Лицо выглядело даже лучше, чем при жизни: морщины на щеках разгладились, видно, ему уже вставили обратно искусственные челюсти, нос явил аристократическую горбинку... и эта пугающая чистота лба. Всем своим видом муж утверждал благородство, вызывая щемящее чувство глубокой потери и удивление, почему при жизни я не испытывала к нему такой же удушающей любви, считая, что просто привыкла, тогда как именно с ним, а не с кем-то другим, была безмерно счастлива. С его смертью мне открылось многое, чего я прежде не понимала. Если бы повернуть время вспять хотя бы на минутку, чтобы попросить прощения. Нет, не так. Я и при жизни любила его сильно, но, помня отрицательный опыт первого замужества, не хотела показывать. Опять не так. Мне хватало того, что любит он. Теперь невысказанная любовь жжёт мне сердце, она будет длиться, пока я живу и, надеюсь, не умрёт вместе с телом. Возможно, *там* любящие души притягиваются – вот единственная мечта, которая меня согревает.

Фигуры в белых халатах выражали сдержанное ожидание, и я аккуратно опустила скорбную ношу на ледяное железо каталки. Всё. Большая и лучшая часть моей жизни, если не вся жизнь, прожита, к тому же, как я только что убедилась, жизнь, вопреки устойчивым иллюзиям, конечна. Масштаб этой катастрофы настолько огромен, что разум не в состоянии его охватить и застревает на разной ерунде. Назойливо вертелась мысль: кто же теперь по утрам будет варить мне овсянку?

Комом в горле стояла горечь событийной беспардонности: ограбили среди бела дня, забрав самое дорогое и невозстановимое. Я стану ходить по магазинам, разговаривать с людьми, пить вино, а Кирилл не будет – он на другой планете. Когда сомнений больше нет, мозг, защищаясь от боли, ищет новую зацепку – пробует игру в неверие: мол, это происходит не с тобой и, если крепко зажмуриться, всё вернётся на свои места. Но нет, картинка не восстанавливается, тогда приходит бунт отчаяния и только потом – смирение, надо покориться судьбе, дожить отпущенное без надрыва, по возможности даже с удовольствием, думать и делать, что хочется. Отныне я одинока и совершенно свободна.

От чего? Зачем? На склоне лет...

* * *

Оба мужа ушли прежде меня. Некому пожаловаться, не от кого ждать сочувствия. Неужели я так плоха, что не заслуживаю утешения? Чувствую настырную потребность разобратся, что, собственно, представляет собой жизнь вообще и моя в частности? Так бывает: прочтёшь в умной книге непонятную фразу и начинаешь копаться в словарях, пока не добе-

решься до сути, будто от этого зависит что-то очень важное. Что – уже не существенно, главное решить задачку, свербящую мозг.

Как получилось, что я осталась одна? Детские привязанности растеряла, наперсниц юности не приобрела: не то чтобы меня не любили, но интуитивно сторонились – слишком большой начальник отец. Институтские знакомства быстро зачахли – на втором курсе выскочила замуж, родила, экзамены сдавала экстерном с разными группами. Почитатели таланта первого мужа растворились в воздухе после его гибели. Из близких уму и сердцу людей многие уже закончили свой земной путь. Загибаю пальцы – шестеро за каких-нибудь десять лет. Вирджиния Вулф сначала собиралась убить героиню своего романа «Миссис Дэллоуэй», но потом раздумала: *«Придётся убить кого-нибудь другого»*. Герои моей жизни постепенно уходят сами, скоро уйдут последние, и не останется свидетелей моей жизни. Может, меня и не было? Размножайтесь люди, пока есть возможность, дети станут нас вспоминать, даже если при жизни мы были им мало нужны. Избитый парадокс: ценить начинаешь, только потеряв.

Когда умерла милая моему сердцу хостинская подруга, я долго не могла привыкнуть, что больше не с кем пойти на концерт, обсудить фильм или распить бутылку сухонького. Годами выработанные привычки, общие интересы, ласкающие душу связи – со всем придётся расстаться, спрятав дорогие тени за плотно закрытыми шторами, словно этих людей никогда и не было. Долгая жизнь – череда потерь. С этим надо примириться.

Над теми, кто остался, усердно поработало время – они проглочены жизнью, не важно, карьера это, семья или болезни. Странно: если человек убил другого человека, то это преступление, а если человека убило время – это нормально. Предусмотреть убийство ради прочности конструкции – и за это надо благодарить Бога? Мог бы придумать что-нибудь помилосерднее. С другой стороны: неотвратимость смерти, которую живые считают высшей несправедливостью, обеспечивает преемственность жизни.

Самый близкий человек – институтская подруга Тина, она серьёзно больна, но мужественно сопротивляется. Созваниваемся редко: что можно сказать за несколько минут по междугородней телефонной связи? Хорошо, с Интернетом появился скайп, хотя ощущения живого контакта всё равно нет. Но иногда даже случайный звонок, врываясь в трясику безмолвия, помогает не задохнуться от тоски.

Не всякое общение радует. Приятельница Софа, пустая тётка, выискала тариф с неограниченным временем разговора и мелет по мобильнику часами, до полного моего изнеможения, с мельчайшими подробностями толкует случаи из жизни незнакомых мне людей, пытаюсь вовлечь в анализ их поступков. Я перебиваю:

– Сегодня ела удивительно вкусные сливы, они поздно созревают, любят солнце и называются...

Но Софа, подхватывая тему, инициативу не уступает:

– Жена племянника моей соседки пару лет назад проглотила сливовую косточку, и ничего, выжила. Он привёз эту девку из провинции в трёхкомнатную московскую квартиру, где она неплохо устроилась, подчинила своим замашкам свекровь...

И понеслось...

Сказать «заткнись» – обидится. Кладу трубку рядом на диван, беру журнал и время от времени выкрикиваю: «Ну, да!» И вдруг становится жаль Софу, которую забыл отметить Бог и сильно покорёжил склероз. Возможно, мне только кажется, что я управляю своими мозгами, а сама недалеко от неё ушла?

Включила без звука телевизор, прогнала по основным программам – как обычно везде реклама и стреляют, а Софа уже рассказывает в подробностях, как лечится в шикарной клинике, где лекарства бесплатные, а оперироваться посылают в Израиль – муж Софы какой-то мелкий клерк в администрации президента. Софа любит кокетничать с темой «Ах, вдруг я умру!». Умрёшь, конечно, куда денешься.

Всё в нашем мире непредсказуемо. Пойдёт дождь или выглянет солнце, богатый измается тоской, а нищий станет богатым, гений пожалеет, что родился, дурак обретёт блаженство, святой упадёт в бездну и разбойник покается. Несчастья можно избежать, а радость поймать на лету или потерять на ровном месте. Всё может быть или не быть, и только смерть обязательно случится. Желать жизни вечной абсурдно по сути, но Софа, похоже, верит в бессмертие. Почему нет? *Бессмертие исключено только здравым смыслом*, считал Набоков. Здравый смысл обошёл Софу стороной.

* * *

Жутко представить мир, в котором плодятся живущие вечно. Даже долголетия нужно бояться как огня. Куда девать стариков, чем кормить? В больницах не останется места для молодых. Войны, ненависть, пороки возрастут в геометрической прогрессии. От эпохи к эпохе человек не улучшается и нравственность становится только хуже. Это уже не Вавилон, который можно обрушить, и не грехи, смытые всемирным Потопом. Останется только взорвать планету, где обустроились непотопляемые, неудушаемые, в огне не горящие себялюбцы. Сюжет для Спилберга.

Бессмертия у смерти не прощу... Бог заложил его лишь в два существа – Адама и Еву, созданных для оживления декорации райских кущ. Возможно, на большее Он не рассчитывал. Но парочка искусилась, оказалась за пределами эдема, лишилась льгот, потеряв право на вечность, и была вынуждена размножаться, чтобы продлить свой образ, проще говоря, жизнь. Но уже не райскую. Построение рая на земле невыполнимо, иначе нужно отсечь всех, кто недостойн. Большевики, укравшие постулаты у христианства, в том числе «игольное ушко», говорили, что в светлое будущее «чужих» не возьмут. Чем не нацизм? На этом фоне неравенство, так раздражающее либералов, более гуманная идея.

Однако Софу придётся реабилитировать. Учёные от начала и доныне морочат человечеству голову, изобретая эликсир бессмертия, я тоже недалеко ушла, относясь к смерти как к чему-то само собой разумеющемуся, но не имеющему отношения ко мне лично. Всегда думала о смерти отрешённо, отодвигая эту мысль подальше, поглубже, как заталкивают ногой под кровать рванный носок, чтобы не заметили незваные гости. Смерть, конечно же, существует как объективная реальность, которую мы наблюдаем постоянно, но каждый живёт с ощущением, что для него смерти нет. Стоит на улице пострадать человеку, откуда ни возмись образуется толпа. Не полюбопытствовать, что кто-то мёртв, а чтобы убедиться, что сам жив.

Смерть дана нам только в воображении, мы не можем её почувствовать, а главное – не хотим. Какие бы уловки не использовал человек живущий, как бы ни кривлялся, ни рефлексировал, он не в состоянии ощутить и чистосердечно признать возможность физического конца. Где-то глубоко есть крючок, на котором висит неверие. Поэтому философы не любят ходить на похороны и всячески избегают разговоров о покойниках, хотя современный крупный мыслитель, ныне покойный Мераб Мамардашвили, полагал, что *философия – это наука размышления о смерти*.

Человек впадает в панику, если у него обнаружена неизлечимая болезнь, но спокойно относится к тому, что обречён на смерть от рождения. Какая тут разница? Мы привыкли произносить буднично, словно перебрасывая камешки из ладони в ладонь: *он умер...у она умерла...*, *чисто английское убийство...* А ведь речь идёт не о каком-нибудь мелком воровстве, похищена жизнь – единственная и неповторимая. По телевизору постоянно талдычат: «В горячей точке погибли три сотрудника», «Результат автомобильной аварии – пять жертв, в том числе ребёнок», «Маньяк изнасиловал школьницу и бросил труп в лесу»... Кокетливо придаём выражению *memento mori* – приветствию католических монахов-троппистов – оттенок показной покорности судьбе, мол, все там будем. Трагические слова становятся привычными, стираю-

щими реальное представление о том, сколько за этими звуками и цифрами, незавершённой любви, надежд, жажды нового утра! Неужто, всё-таки Бог создал нас просто так, не на вырост, без взгляда в бесконечность? Спасибо, что хотя бы не сообщил каждому последней даты этого сладкого сна, иначе можно спятить.

Наглядное доказательство того, что мы не верим в смерть, во всяком случае в собственную и скорую, – сохранение вещей, которые наверняка не понадобятся в этой жизни. Потёртые очешники, допотопные телефонные трубки, вышедшие из моды кейсы с механическими замками, красивые упаковочные пакеты и коробки, удобные баночки из-под варенья, наивные настольные игры, потеснённые сначала рыночной «Монополией», а потом компьютерными стрелялками, ключи и ключики от дверей, гаражей и потерянных чемоданов, старые книги – их уж точно никто никогда не станет перечитывать, потому что не вернётся время, в которое они владели умами и которое помним только мы. Если бы вдруг разразилась катастрофа и уцелевшим пришлось начинать сначала, на голом месте, то кое-что ещё можно приспособить. Но других жизней не случится, у тех, кто следует за нами, будут иные пристрастия.

Не хочется думать о бренности земного. Человек начинает воспринимать угрозу реально, лишь тяжело заболев или с удивлением обнаружив на своём теле противно обвисшую кожу. Трагическая участь – пережить всех, кого любил. Единственная отрезвляющая мысль, даже молитва: не дай Бог потерять своих детей. Сейчас мы крайние, потом крайними станут они. Но только потом. Господи! Не нарушай природного порядка, это за гранью добра и зла.

* * *

Дети давно отделились и отдалились, это они мне нужны, а я им уже нет. Ну, может, только в роли умозрительной завесы, скрывающей острые края бездны. Мы словно живём на разных планетах, в разное время. Горько? Да. Но молчу, сама через это прошла. Помню жгучий вкус освобождения, когда научилась обходиться без матери. Это не порок воспитания, это диалектика жизни, и если её вовремя не принять, начнутся обоюдные обиды, ссоры, валидол. А всего-навсего надо твёрдо уяснить, что твоё поколение отжило и дети тоже познают эту печальную истину со своими детьми и, если поймут правильно, оставят мир спокойно, с любовью, а не с ненавистью.

Федя прилетел на похороны отчима, который его воспитал. Ну, спасибо, а просто так – не дозовешься. В разговорах мы всё время цепляемся к словам, и я кусаю язык, чтобы не сорвалось лишнее, но сын всё равно говорит поперёк, осуждает мои поступки. Не может простить детские обиды, жизнь в доме деда, моё новое замужество, а я ему, что бросил институт и уехал в Читу за своей первой любовью, которая не задалась, но возвращаться не стал. У него там, в Сибири, своя жизнь, словно в другой стране. Уже и корни пустил, построил с приятелем мастерскую, делает школьную мебель на заказ. Дело не приносит серьёзной прибыли, держится на старой дружбе, к тому же сын начал выпивать. Его отец, Донат Орленин, или Дон, как все его называли, говорил: спиртное доставляет мне удовольствие, если б не профессия, стал бы пьяницей, но не алкоголиком – с эти геном у меня в порядке.

Видно, насчёт генов он ошибся. Федю уже две жены бросили, к счастью, третья прибрала к рукам вместе с бизнесом, который хотя бы кормит. Мне эта деваха – грубоватая, крепко стоящая на толстых ногах – мало симпатична, но в своей сумасшедшей молодости сына я проморгала, а она спасла, отвадила от бутылки, народила детей, и я готова, как царице, целовать ей подол. Только на меня она глядит исподлобья, шестым чувством угадывая неприязнь. Одни внуки рады бабушке, чувствуют, что я их люблю и готова исполнить любое желание, просто родители желать что-либо от меня запрещают. Господи, ну эти-то при чём?

Их младшая дочь Лиза отвергла всех поклонников и постриглась в монашки. Для меня это удар. Одно дело верить в Бога, другое – провести единственную жизнь в закрытом про-

странстве, наблюдая мир через узкую щель фанатизма. Я редко видела девочку, но помню заботливый взгляд и тонкие нежные руки, так похожие на руки Дона. Внушенька моя дорогая, зачем же ты так?..

Удручает бессилие тела пред силой души. Спрашиваю Федю:

– Как допустил?

Пожимает плечами.

– Её право. Она искренне считает земную жизнь прелюдией к той, настоящей. Может, и так, кто ж знает? У Лизы есть всё, чего нам не хватает – её существование осмысленно, а главное, она счастлива. Чего ещё можно желать для своего ребёнка?

Федя, помятый жизнью, умный и добрый. В волосах пробивается первая седина. На кладбище я прислонилась к его плечу – единственному мужскому плечу, которое мне осталось, и почувствовала, как сын невольно отпрянул.

– Не жаль маму, – сказала я без упрёка.

– Это ведь не тебя хоронят.

– Может, и меня. – Я вздрогнула. – Холодно.

– Ну, извини. – Сын поцеловал меня в висок. – Отвык. Тебя никогда не было рядом.

Всё правда. За ошибки – раньше или позже – приходится платить.

Кирилл был мальчику хорошим отчимом, но родным не стал. Десятилетний парень успел воспитать в себе одинокого волка и из двух равнодушных родителей непонятно почему выбрал отца.

Уже не помню, в чём Федя провинился, важно, что он не хотел сделать так, как требовал отец. Ну, да, Бог и Адама из рая выгнал не за яблоко, а за то, что воспротивился Отчей воле и захотел вкусить свободы, вот и Дон однажды сказал: пусть уходит, могу обойтись без него. А у мальчика опасный возраст, неизвестно, что в голове, возьмёт и прыгнет с крыши. Я встала на колени: сынуля, ну, пожалуйста, попроси у папы прощения. Умоляю! Это твой отец, и он тебя очень любит, просто рассердился. Наконец Феде стало жаль меня, он вытер слёзы и пошёл каяться. Всё улеглось, но я чувствовала, что сын так и не простил мне своего унижения – а кому же? Конечно, мне, а не отцу. Зато, когда дворовый мальчишка попал из рогатки Феде в лицо, Дон так избил хулигана, что даже попал в милицию, потом отпустили. После операции гнойного аппендицита Федя оказался между жизнью и смертью, и Дон поднял на ноги всю медицинскую Москву, задействовал все связи, отменил концерты, сидел возле него ночами. Именно это ребёнку запомнилось.

Первый муж всегда оставался для меня главным в семье. И сыну я внушала то же чувство – как бы папа ни поступал, он всегда прав. Мама бывает не права, у мамы много забот, она устаёт и может сорваться, быть несправедливой, поэтому часто, отшлёпав малыша, просит у него прощения. Но папа – домашний бог, его авторитет непререкаем.

Прекраснодушная политика обошлась мне потерей сыновнего уважения. Пока он был мал, я этого не чувствовала, а когда вырос – стало поздно. Я ничтожная мать: поссорившись с Доном, в запале собиралась повеситься. И оставить сына? Идиотка. Эгоистка. Я и теперь понятия не имею, как надо воспитывать детей. Говорят – просто любить. Но я любила Дона, и на двоих меня не хватало, Федя оказался брошен на бабушку и домработницу.

Иногда мне приходило в голову, что моя мать может сломать ему характер, а следовательно и жизнь, как сломала собственному сыну. Но внук – отдельная ипостась, к внукам нежности больше. Следить за процессом воспитания у меня не было ни опыта, ни времени, я утаптывала дорожку к будущему, пытаюсь собрать разбросанные на большое расстояние составляющие собственной жизни. И хотя уже дважды побывала в нокауте, всё ещё жаждала любви. Любовь полна иллюзий.

После похорон отчима Федя увёз много фотографий отца, афиши, магнитофонные записи. Я пыталась слабо протестовать, сын усмехнулся:

- Сколько ты к ним не прикасалась? Лет тридцать? Тебе они не нужны, правда?
- Пришлось сознаться:
- Я их боюсь.
- А у меня больше ничего нет. Единственный мостик из прошлого в настоящее.

* * *

Дочь успела только на поминки, она замужем за французом, который занимает хорошую должность в какой-то пароходной компании в Марселе. Сумасшедший город, набитый арабами с фальшивой миной покорности на лицах. Разложив товар прямо на тротуарах, они сидят на корточках в своих белых простынях и хватают прохожих за щиколотки – купи! Это открытая видимость деятельности: так они демонстрируют властям легальность, а зарабатывают как-то иначе, втёмную. Втёмную копят организованную ненависть против неверных, которые сладко спят, наивно веря в силу разума и не чуя, что новые гунны уже стоят у ворот цивилизации.

Дочка не приезжает ко мне даже на лето: кому нужна больная старуха, которой надо хотя бы сочувствовать, а у тебя настроение хорошее, ты позагорал, наплавался, выпил пивка, съел бифштекс с кровью. Зачем портить удовольствие? Катя с мужем и детьми, между прочим моими внуками, отдыхает на Средиземноморском побережье и на Канарах, подальше от призраков смерти. Правда, поступали осторожные намёки – продать квартиру на Кавказе и купить в Евпатории или в Ялте: у внука слабые лёгкие, ему нужен сухой климат. Ну, уж дудки. Мне всегда был противен и смешон хохляцкий национализм, хотя преступно подаренный Украине Крым по традициям и языку всегда оставался, бесспорно, русским. Не то, что Прибалтика, где демонстративно говорили только на родном языке. Или Грузия, в которой по-русски не брехали разве что собаки, а всё равно чужая территория, и жили, и думали там по-другому. Слава Богу, Крым вернулся в Россию, но над ним висит грозное облако. Просто так всё не кончится.

Звонит дочка часто, но говорит скоренько, по верхам, ссылаясь на сумасшедшие тарифы. Я ничего толком не знаю о её личной жизни: довольна ли Катенька ролью супруги необщительного задумчивого мужа – будто и не француз вовсе, есть ли у неё привязанности, кроме него, как со здоровьем? Что за характеры у девочек-двойняшек, которые отучились в Англии, по-русски говорят с акцентом и в Россию не рвутся? Я не осуждаю. Конечно, хорошо бы повидаться, но мало ли чего кому хочется. Главное, чтобы все были счастливы насколько возможно. Счастливой можно быть в любом пространстве, просто надо уметь. Катя умеет не очень. Она не в меру категорична, безапелляционна, и во всех неудачах кто-то виноват.

После куцых объятий начинает упрёкать, это её стиль:

- Мам, ну успокойся, перестань плакать, ну что ты, в конце концов! Люди умирают, так жизнь устроена. У тебя дети, внуки, тебя любят. Чего ещё надо?
- Деточка, ты не понимаешь. Вы все – в этом мире, а мы с папой в другом.
- Не очень-то ты при жизни его ценила.

Ох. Слова неожиданны и обидны. Откуда такая жестокость? Хочет встряхнуть меня, привести в чувство, чтобы меньше страдала? Но как не страдать? Жизнь в основном состоит из страданий, и даже в моменты, когда судьба дремлет, страдания прячутся по закоулкам сознания. Споткнёшься на каком-то пустяке, и откроются шлюзы. Увидела в телефонной книжке номер, записанный почерком Кирилла, и поползло, и затопило, обжигая, ощущение потерянного рая. Душевные и физические страдания формируют нас, заставляя шевелить мозгами, чтобы избежать боли, учат сопереживать и ценить минуты счастья. Покой тоже надо выстрадать.

В моём отношении к дочери что-то неумовимо меняется. Без Кирилла чувствую себя уязвимой, осторожно подбираю слова, боясь обнажиться и услышать отповедь. Я уже не очень-

то хочу быть понятой. Мы и прежде не чувствовали себя подружками, а теперь душевно отдалились ещё больше. К Кириллу она всегда была ближе, он с нею нянчился, млея от нежности, и она его обожала. Для моей девочки отец – первая серьёзная потеря, однако относится она к смерти по-деловому – пришло время, в конце концов все там будем. Возможно, переживает сильно, но не показывает, ну, да, её воспитал Кирилл, а он умел скрывать свои чувства.

А может, печаль сдерживается чужой кровью? Впрочем, в голос крови я не верю, живые контакты важнее, тем более девочка правды не знает. Катя подозрительно быстро повзрослела, стала самостоятельной, умной, крепко схватила судьбу поперёк туловища. Чётко знает, чего хочет, всегда, собрана и организована. Семья у Катюни на первом месте, и она всех донимает опекой, забывая о себе. Мало и не вовремя ест, ещё меньше спит, старается всё делать своими руками, делать до отвращения тщательно, даже очки мужу протирает, а когда тот ложится спать, прыскает дезодорантом в домашние тапочки. Каждое утро его ждёт свежая сорочка и отутюженные брюки. Француз терпит, видимо, сильно любит, мирится даже с тем, что она зачем-то преподаёт ему русской язык. Семья ходит строем и живёт по расписанию. При случае Катя учит меня. Я сопротивляюсь.

– В том-то всё и дело, детка. Сердцу нечем успокоиться. Но ты не волнуйся, я справлюсь.

Вру, не краснея. Бесполезно кричать в уши глухому. Она смирилась, а я нет, для меня Кирилл ещё жив и во снах, и наяву, для неё же отец глубоко в прошлом. Она права, и Федя прав, не существует одной правды, у каждого своя, даже правда факта может быть истолкована по-разному, чего уж тут говорить о понятиях. И в этом вся суть: как бы ни любили нас дети, мы живём в разных измерениях.

* * *

Вернувшись с поминок в пустой дом, беспечно брожу среди привычной мебели, картин и фотографий на стенах. Как много значат вещи. Мучительно хочется передать их детям, чтобы те, как в эстафете, передали палочку дальше. По природной наивности, а она нас никогда не оставляет, и слава Богу, а то уж совсем было бы страшно – мы видим в вещах залог хоть какого-то несуразного и неполноценного, но продления рода. Вещи, в которые вложено столько усилий и любви, единственно материальное, что остаётся от нас после смерти, и, потрогав их, можно уловить нашу энергетику.

Всё приобреталось с тщательным выбором, каждую своевременно чистили, гладили, мыли и хранили бережно. Оказалось напрасно. Теперь привыкли, пусть и к дешёвому, но новому, самым купленному. Время пришло более обеспеченное, с возможностью долго отсутствовавшего выбора, и массовая психология тоже изменилась: вряд ли кто-то из нынешних станет терзаться ностальгией по комоду из ДСП. Мне удалось всучить добротные костюмы Киры ассенизатору «из понаехавших», что приходил чинить унитаз, но от фрака с дырочками от лауреатских значков на шёлковых лацканах и концертных лаковых штиблет Дона мигрант отказался. Отнесла в церковь, там берут, пристраивают бомжам.

Вещей, обросших воспоминаниями, как днища кораблей ракушками, мне жаль. Люди вполне обойдутся без меня, а некоторые даже с облегчением, а вот вещи беззащитны перед новыми распорядителями их судеб. Терзает мысль: как будут жить сиротки? Кто будет пить из моей зелёной чашки, поливать мой нежный цветок на окне, смотреть в моё бездонное небо? Через вещи, которые много лет окружали меня, пытаюсь удержать в себе ушедшее время и угасающую любовь. Другим эти бесконечные мелочи непонятны, смешны, а правнукам станут уже безразличны, как нам безразличны погребённые под домами старые кладбища.

Всё правильно. Вечного нет ничего, вечно только то, что происходит сейчас. Просто вещи живут дольше нас. Вернее, могут жить, но живут ли? Когда их было мало, они высоко ценились, и шкафы XX века недалеко ушли от сундуков XIX. Нынешние людишки, особенно кто

при деньгах, чтобы не лишаться мобильности – главной константы грядущего, даже квартиры и дома предпочитают арендовать, а не приобретать в собственность. Проще купить новый гардероб, нежели возить за собой прежний. Любые предметы производят в таком количестве и разнообразии, что хранить их бессмысленно и непрактично. Понятие «личные вещи» отмирает. Потомки с легким сердцем выбросят родительское барахло на помойку, и разорвётся печальная связь времён.

Но у меня цепкая память, я ещё не забыла, откуда что явились. За стеклом буфета стоит набор открывалок для винных бутылок, которые мы с Кириллом привезли из Чехословакии, была такая страна, а фаянсовую кружку с изображением Кипра купили позднее, на курорте в Пафосе. Хрустальный колокольчик он приобрёл из утилитарной надобности, чтобы заболел, я звонила, когда нужна помощь. Стекло хранит прикосновение его пальцев, его взгляд.

Зажигалка-пистолет – уменьшенная копия того, из которого Дантес застрелил Пушкина – парижское изделие, привезена некурящим Доном, как и белоснежный коралл из Австралии и коробка с изображением кенгуру – в ней фарфоровые шпажки, на которые я терпеливо нанизывала чернослив с оливкой, завёрнутый в полоску бекона. Шпажки осиротели, потому что двадцать пять гостей давно не собираются в нашем доме по праздникам или просто по весёлым выходным.

От моей бабушки, Натальи Христофоровны, осталась всего одна вещица, которой я очень дорожу: простенький фаянсовый молочник, каких уже не выпускают, потому что молоко хранят в пакетах в холодильнике. Аккуратненький молоточек с рукояткой, до глянца отполированной трудолюбивой ладонью, – рабочий инструмент дедушки, Дмитрия Андреевича. Самодельная пепельница из гильзы от снаряда, с надписью *За победу* принадлежала хостинскому свёкру, прошедшему войну. Бабочка с магнитиком машет крыльями над газовой плитой, когда запускается вытяжка – её принесла покойная Кондрашова, аккомпаниатор из консерватории, она часто сопровождала Дона в гастролях. Две серебряные кокетницы подарила одинокая соседка Зина, не на память, а просто так, от души. Она была намного моложе меня, работала в банке и не собиралась умирать, но умерла в одночасье – подошла небесная очередь. Дальние родственники разнесли по блюдецку накопленное на долгую жизнь и разъехались довольные, позабыв о хозяйке. А я вспоминаю Зину каждое утро, пробегая взглядом по буфету. Иконку «Утоли моя печали» подарила дочка, странно, ведь Катя атеистка.

У каждого предмета, даже не связанного ни с кем персонально, свой шрам памяти. В свитере из мохера, выношенном до дыр, приятно спать по осени – отопление на юге отключают поздно и, сколько не насиливай электрокамин, по ночам зябнут ноги и нос. Или вот декаптированные временем и уже позабытые промышленностью вафельные полотенца: окунёшь в них лицо, слегка приложишь к груди – и они сами впитывают влагу, лаская кожу, словно руки любимого мужчины.

Больше всего в доме картин, их собирал Дон. В середине прошлого века показателем достатка являлся хрусталь, живопись была прихотью немногих, чувствующих искусство кожей. Природа одарила скрипача художественным чутьем, он дружил с молодыми живописцами и принадлежал красоте. Несколько работ Петрова-Водкина, эскизы Маковского, бело-серые снега Бялыницкого-Бирули, но больше всего «маленьких голландцев» и картин неизвестных мастеров, скорее всего, не подделки, поскольку вывезены после войны из сытой Европы. Москву завалили трофейным, часто криминальным антиквариатом, правда, денег у нас с мужем тогда водилось не густо, но он находил какие-то возможности, менялся или брал полотна в долг, не представляя, как будет расплачиваться, и я не жалела, что аукнулась новая шуба. Шить одежду в правительственном ателье, которое обслуживало нашу семью, мне уже не полагалось, поскольку я замужем: большевистские бонзы законы более или менее соблюдали, а не только требовали этого от низов. Выручала мама, умудряясь оформлять заказы не только себе, но и мне, туда же привозили импорт по смешным ценам.

Когда Дон начал выезжать за рубеж, деньги появились – хотя платили по-советски мало, но всё в сравнении – и он радостно одевал меня, как куклу. Неизбалованные соотечественники останавливались на улице, чтобы рассмотреть мой прикид. Дон и сам, в мягких велюровых шляпах с широкой лентой, выглядел, как актёр американского кино. После смерти его вещи долго томились в запертом шкафу, ключ от которого я спрятала. Второй муж никогда не тревожил эту сторону моей жизни.

Часть памятных предметов поглотил переезд в Хосту, другие я выбросила сама. Сожгла скрученное в трубку фото, нас, обнажённых, сделанное Доном после ночи любви – взвёл затвор аппарата и успел влететь ко мне в постель – чистый Роден. В мусоропровод отправлен плюшевый кот в сапогах, с ушами, обсосанными годовалым Федюней, и сильно помятое бархатное сердечко, проткнутое позолоченной стрелой – робкий подарок моего одноклассника Толика. Житийного хлама хватает. Меха разлезлись, лучшие в мире итальянские туфли устарели, я живу в окружении долгоиграющих кусочков прошлого и веду с ними внутренние монологи.

* * *

Безмолвие сторожат кипарисы. Даже при большом ветре, когда другие деревья отчаянно шумят листвою и в ужасе размахивают ветвями, эти самоуверенные колонны покачиваются грозно, но бесшумно. От тишины звенит в ушах, тишине удивительно точно подходит шаблон «мёртвая». Бегущее время, с его тайной константой, кем-то заранее обозначенной, теперь целиком принадлежит мне одной, но наполнить этот *подвижный образ вечности* нечем – отсутствуют потребности и желания, которые вращают стрелки вселенских часов.

Ближе к вечеру с противоположной стороны реки прорываются невнятные голоса, звуки ресторанной музыки. Люди приехали отдыхать, они пьют и смеются. Меня всегда восхищала способность человека радоваться жизни, не думая о конечной станции.

Первая ночь без Кирилла. Сдерживая озноб, я укуталась пуховым платком и вжалась в угол дивана. Сквозь полупрозрачные шторы пробивается свет уличного фонаря. Шторы вешал муж, расплавлял пухлыми белыми руками и всё время спрашивал: хорошо ли? Ему важно моё мнение. Трудно поверить, что он больше никогда не войдёт ни в эту комнату, ни в другую, что он уже вне пространства живых. Тридцать лет мы каждый день разговаривали, касались друг друга пальцами, щекотали губами – и вдруг провал. Память о нежности осязаний предстояло безжалостно умертвить.

Можно попытаться память обмануть и найти *милого друга*, или создать новую семью, или просто совокупляться на кухонном столе в ярости бесчувствия. Фантазии отчаяния безграничны, а вот встретить человека, чувствующего похоже – из области мечты. Революциями, перестройками, рынками остаточный слой интеллигенции размазало по стенке. На смену пришли либералы, которые скоренько трансформировались в прагматиков и циников, причём, что удивительно, совершенно невежественных, с ними не о чем говорить. Сойтись с каким-нибудь духовным пигмеем после мужчин, которые у меня были, всё равно, что заснуть с принцем крови, а проснуться с сантехником из ЖЭКа.

Сгодился бы мужчина без претензий, образованный, не пьющий и не слишком поношенный, который ужинал бы и спал со мной, возил на дикий пляж и целовал руки, спасая от одиночества. Но таких, кажется, уже нет в природе. Нарисовался один, сильно помятый жизнью, но ещё не утративший романтических позывов инженер на пенсии. Я уже и уши развесила. Пригласил в гости, поил чаем, цветом и градусом напоминавшим верблюжьей мочу, кислым молодым вином, на закуску – виноград и плитка шоколада, для удобства аккуратно поломанная на квадратики, и ни один не лопнул вкось – это надо постараться. Я помахала в воздухе сладкими пальцами. Он протянул бумажную салфетку, предварительно разорвав её пополам. «Стоп! – сказала я себе. – Девушка, ты не в ту дверь вошла».

Ещё забавнее оказался отдыхающий из Кемерово. Совсем свежий, лет тридцати пяти, не больше. У меня фигура без живота, кожа без целлюлита, педикюр и французские духи. Я выгляжу моложе своих лет, однако же не настолько. И чем ему приглянулась? Каждый день занимал мне место под тентом, за руку выводил из моря на берег, что очень кстати: на гальке легко потерять равновесие даже в резиновых туфлях. Недели через две, когда я уже на него насмотрелась и собрала досье недостатков, стал называть желания своими именами. Пришлось отпугнуть: «Дурачок, я же развалюсь на ходу». Обиделся. Ну, как мужику объяснить, что женщин надо брать сразу, не оставляя времени на анализ и сравнения? Тут у него очень кстати и путёвка закончилась.

Наиболее серьёзные намерения лелеял сосед по лестничной клетке. Когда-то я притесствовала с его женой, но она уже несколько лет как умерла. Мне шестьдесят с небольшим, ему семьдесят – округлённо. Чем не пара? За ним присматривают сын и невестка – стоматологи из Москвы, с недавних пор постоянно живущие в большом доме на гребне горы. Они открыли на главной улице Хосты врачебный кабинет. Частная практика приносит хороший доход, поскольку зубы разрушаются раньше других частей тела и имеют подлое свойство нестерпимо болеть.

Сосед, чисто одетый, выглаженный, выбритый, сбрызнутый одеколоном, обнимает меня со всей силой одинокой души, страстно целует, метаясь в губы и попадая в ухо – так искусно я уворачиваюсь. Постепенно перевожу наши отношения на дружеский уровень, и он подчиняется, в ожидании других перспектив. По возможности втягивает меня в семейные праздники сына, в поездки на дорогом джипе по окрестностям – новички в этих местах, стоматологи не устают восторгаться южной природой. Молодой хозяин – высоченный, красивый, небрежно и дорого одетый, изо всех сил стремится продемонстрировать провинции столичный шик. Не раз ловила на себе тренированный взгляд тёмных глаз: надеется пристроить папашу в хорошие руки. Не мной же ему интересоваться?

Как-то большой компанией – я тоже приглашена – поехали на водопады, в густых зарослях горных склонов их множество. После пыльной, жаркой дороги все с визгом бросились к озеру, в которое с высоты шумно падала широкая струя воды, создавая завесу перед неглубокой пещерой. Каждый развлекался, как мог. В бикини я выглядела лучше иных молодяек. Наплававшись, ухватилась за край камня, чтобы укрыться в прохладе ниши, как кто-то сильным рывком втянул меня внутрь и слёту посадил себе на бёдра. Это был стоматолог. В полутьме грота я не сразу заметила, что он свершено голый. Скользкие от воды губы поползли по моей шее, вобрали подбородок, потом рот. Ахнуть не успела, как он ловко сдвинул в сторону мои узенькие эластичные трусики. Его взволнованный затейник, неприятно холодный, ткнулся мне в бедро. Я рванулась, выскользнула из мокрых объятий и нырнула в озеро.

Баранина с баклажанами и помидорами уже запеклась на мангале, все толпились вокруг складного стола. Подоспевший хам вручил мне горячий шампур и насмешливо глянул в глаза. Я своих не отвела, наоборот, приняла вызов:

– Вздумали стать некрофилом?

Похоже, он моей шутки не оценил и уверенно прошептал на ухо:

– Поверьте, я разбираюсь в женщинах любого возраста.

– Как привлекательны заблуждающиеся мужчины, – язвительно сказала я.

Шансы докторского папы, и без того невеликие, стали нулевыми.

Претенденты на брачный союз вызвали мстительное желание сообщить, что я уже похоронила двух мужей и третьего долго не удержу. Да и зачем он мне? Чтобы не ложиться одной в двуспальную кровать? А вдруг он пукнет ненароком или с шумом начнёт выпускать газы, словно детище советского автопрома? Ужас. Между тем от вида несмятой подушки хочется завывать. Выть я боюсь, это очень возбуждает, тянет всё повышать и повышать тональность и трудно остановиться. Душа выворачивается наизнанку от боли.

* * *

Поменяла большую кровать на меньшую, но одиночества не ubyло. Засыпать и просыпаться одной после стольких лет, проведенных с мужчинами, – это можно выдержать? На воскресном развале продавались чудесные носочки, высокие, теплые – у Кирюши в последнее время мёрзли ноги – и как раз его редкий 31-й размер. Я пощупала и пошла дальше, стараясь не заплакать. Мне всё напоминает мужа: дырка на простыне, которую он протёр жёсткими пятками, пятно на обоях, где он прихлопнул комара, пол-литровая кружка с красными петухами – из неё он пил по утрам кофе. Витые ручки на окнах мы выбирали вместе, потом он прикручивал их своими умелыми пальцами.

Меня преследует ощущение, что Кирилл где-то близко, я чувствую его незримое присутствие и веду с ним мысленный диалог. Гуляя в парке, выбираю для отдыха знакомые скамейки. Раньше садилась с краю, а теперь в середине, это *его* место. Мне кажется, я смотрю его глазами, испытываю восхищение, которое испытывал он, любуясь гигантскими финиковыми пальмами.

В том году март и апрель замучили дождями, а май открылся светлым. Стою возле фонтана. Вокруг теснятся воробьи – пьют и купаются. К теплу. Хочется рассказать Кирюше, что вижу и как чувствую, порываюсь позвать, чтобы вместе застать врасплох распустившийся редкий цветок.

В три обхвата платан в конце нашей улицы, возле церкви евангелистов, помнит руки Кирилла, который гладил, даже целовал пятнистый ствол, такое нежное чувство вызывало в нём могучее дерево, и пока я могла ходить, обязательно передавала платану привет от Кирюшеньки. «Помнишь, как он тебя обнимал?» А ивушка у подвесного моста? Всем-то она мешала: то проводам, то строителям, обкорнали её, безответную, и муж очень расстроился, а теперь она снова отросла и склонила лёгкие ветви до самой воды. Вот была бы ему радость!

Хотя мне никто не мешает жарить картошечку и омлет с беконом, я покупаю диетические продукты, которые предпочитал Кирюша. Обед готовлю на двоих, потом сижу и ем в одиночестве, прислушиваясь, не скрипнет ли дверь. Кажется, муж сейчас войдёт, скажет: «Здравствуй, моя маленькая Мышка!»

Любой предмет домашнего обихода всё, что долгие годы ему служило, вызывает воспоминания: длинные рожки для обуви, расчёски всех цветов и размеров, тапочки в клетку, которые до сих пор стоят в коридоре. В ванной комнате, рядом с моей розовой, по-прежнему живёт синяя зубная щётка Кирилла. Они смотрят друг на друга, кивая головками. Синей сиротке я вечером рассказываю, как прошёл день, и желаю спокойной ночи.

С годами боль потери поистёрлась, но иногда меня охватывает какая-то безразмерная потусторонняя тоска, и приходит она не с мыслями о счастливых событиях нашей жизни, а в момент, когда моему взору является красота: новый пейзаж, цветок, улыбка внуков... Мне доступно любоваться тем, чего Кирилл уже никогда не увидит. Если нам доведётся встретиться в лучшем из миров, я всё ему поведаю в подробностях.

Надо научиться уходить в прошлое, не прикасаясь сердцем, иначе перехватывает горло и нечем дышать. Люди свыклись с банальным слоганом, придуманным бессердечным человеком: *время лечит*. Фраза годится лишь для рекламы, если бы время вдруг стали продавать: купил 240 часов и можешь десять дней переходить на красный свет. На самом деле время не лечит. А если и лечит, то так долго, что не успеваешь дожить до выздоровления. Душевная скорбь не проходит, ведь она не телесная. Время её притупляет, отодвигает, но вдруг, зацепившись сознанием за какую-нибудь ерунду, по-новому возрождается старой болью. В конце концов, что такое тело? Сосуд для души, от его формы зависит в жизни не главное, скорее даже напротив – подаренная нам при рождении душа формирует тело. Я чувствую, физически ощущаю,

что во мне сидит душа, необъяснимая, неизмеримая, непредсказуемая. А часто ли мы о ней задумываемся? Когда жареный петух клюнет.

Признание души предполагает наличие Высшей Силы, которую принято называть Богом. Ни совесть, ни сострадание, ни любовь и стремление к свободе не могут являться результатом мыслительного процесса. Верить в Бога истинно – непросто, нужен душевный труд, а он самый тяжёлый. К тому же вера не упрощает, а усложняет жизнь. Как писал Святой Августин, *вера вопрошает, тогда как разум обнаруживает*. Вот-вот, все задают вопросы, а объяснить некому. Библия – кладёзь загадок без ответов. Видно, так задумано, что ответов не существует в принципе. Религия необычайно удобна для дураков и лентяев – думать не надо, даже вредно. Предлагаются простейшие решения, которые исключают инакомыслие. В основу веры положена неравноценная мена: за праведный земной путь обещана жизнь вечная. Какая она, и хороша ли, этого ли ты хотел, к тому ли стремился – никто не знает. Морковка перед носом простаков! Я не верю в непостижимое, в непохожее на правду, в то, что отнимает индивидуальность. Не хочу быть овцой, которая ждёт инструкции от пастыря.

Вместе с тем Бог – это удобно, на него можно свалить недуги, незнание, глупость, напасти – такая, мол, уж несчастливая звезда, то бишь судьба. И даже обретя удачу, мы восклицаем: Спасибо тебе, Господи! Руководствуясь прагматизмом, ну, и, конечно, каким-то странным порывом, я пыталась себя перевоспитать. В пятьдесят лет с ощущением благодати приняла крещение, выстаивала длинные литургии, ничего в них не смысла, исповедовалась, непонятно в чём, и причащалась: ела «тело христово» и, пересилив брезгливость, из общей ложки пила Его «кровь».

Кусочек пресного мякиша в разбавленном кагоре меня не впечатлил, и верить я не сподобилась. Православные обряды так театрально-красочны, что заставляют сомневаться в искренности незримого. За версту пахнет системой, тщательно разработанной людьми с воображением, а обман меня с детства раздражает.

Да, был на рубеже новой эры харизматичный проповедник, сын Марии и Иакова, защитник слабых от силы неправедных. Вокруг него ученики возвели воздушные замки мифов. Нищее неграмотное окружение слушало, разинув рот. Ну, как Он мог вернуть разложившимся клеткам Лазаря первоначальное состояние?! Если Бог создал законы природы, то хотя бы не должен им противоречить.

Мой атеизм не от отрицания Творца, просто я страдаю потребностью в доказательствах, а их нет. Вера иррациональна, мне же, подобно Абельяру, чтобы верить, нужно понимать. В таких случаях посещение церкви мало продуктивно. Должно сверху что-то стукнуть и проникнуть внутрь. Но Бог, по одному лишь Ему известным причинам, не желает снизойти до меня. А так хочется, чтобы Бог был. Его существование придаст жизни смысл, хотя, с другой стороны, потянет за собой груз обязанностей и ответственности за всё, совершённое во время земного пути. Это напрягает, а мои нравственные силы и без того подорваны.

Ночную тишину нарушают звуки дождевых капель. Крупные и тяжёлые, они предвестники щедрого ливня, который не замедлил пролиться. Вода стала стеной, отгородив от меня посёлок прозрачным занавесом, а шум издаёт такой, словно закипает гигантский чайник.

Жизнь моя, жёстко разрезанная надвое смертью Кирилла, совершенно переменилась, а пустопорожнее время разносит прошлое и настоящее в разные стороны всё дальше и всё быстрее. От безысходности клонит в сон. Качаясь на волнах забвения, я словно слышу: «Спи, Мышонок мой прекрасный, баюшки-баю». Сознание уже дремлет, и счастье кажется возможным.

Если бы не просыпаться и вечно видеть лёгкие сны.

* * *

Движение, движение, движение. Оно гасит отрицательную энергию, отвлекая от больших и мелких неприятностей. Раньше, нервничая, я всегда бросалась стирать руками в тазике мелочёвку. Тёрла с остервенением, давая выход возбуждению. Вот и теперь неплохо бы устроиться на работу, но в курортном городке востребованы, посудомойки, официантки, продавщицы, и то только летом. Это мне ни с какого боку. На приличное место пенсионера не возьмут, хоть танцуй работодателям лезгинку для доказательства не увядшей прыти.

Чтобы придумать себе занятие, надо быть такой деятельной натурой, как моя подруга Тина. Когда они с мужем купили деревенский дом во Владимирской области, она ударилась в сельское хозяйство. Косила, полола, с любовью просеивала землю меж пальцев, сажала картошку, ремонтантную клубнику, варила варенье и гнала ягодные соки. Десять кур-несушек отзывались на имена и бегали за нею, как собачки. На первую зиму птиц поселили в лоджии московской квартиры, откуда они в отсутствие хозяев вырывались на свободу, гадили в комнатах и несли яйца на диване. В дальнейшем кур оставляли зимовать в деревне у соседки, пока они, страдая без хозяйской любви, не перевелись окончательно. Но земля долго оставалась Тининой страстью, пока болезнь позвоночника не наложила вето на движения и потребовала хотя бы минимального комфорта – воды из крана, тёплого сортира и врачей поближе, а там такие дороги – «скорая» не проедет.

Тогда Тина увлеклась вязанием. Процесс этот требует терпения и времени, и она вязала, говоря по телефону, помещивая кашку для внука, но главным образом, сидя в кресле у телевизора. Пока глаза обходятся без очков, это удобно: поглядываешь на экран, слушаешь текст, а пальцы продолжают крутить спицы. В этом деле Тина достигла редких успехов, впрочем, как и во всяком другом, за которое бралась. Но по телевизору стали показывать всякую муру, глаза запросили очков и с вязаньем пришлось покончить.

Одно время её коньком стали переводы с английского книг о знаменитых певицах и актрисах. Слог у неё прекрасный, грамотность блестящая, терпения не занимать. Тина вынимала из принтера сотни страниц и собственноручно переплетала. В компьютерах она, прабабушка, разбирается не хуже молодых, сама настраивает, смотрит старые музыкальные фильмы, которые обожает, и беседует с подругами, разбежавшимися по миру – в основном, в Америку и Израиль, поскольку, по случайности или нет, большая часть её многочисленных друзей – евреи. Но что странного, если Тине нравятся умные и деятельные, а не те, кто такими только кажутся? Впрочем, я не совсем права: она любит многих, если не всех, разница лишь в силе любви.

Мне языки никогда не давались. Изучить чуждую лексику и проникнуть в строй чужого мышления до такой степени, чтобы понять: «чуждое мгновение» – не просто стоящие рядом красивые слова, а музыка наслаждения, я бы не сумела, с этой способностью надо родиться. Ничего не остаётся, как заняться собой. Поздновато, конечно, начинать себя любить, когда кожа теряет упругость. Спасибо Кириллу, который никогда не сомневался в моей вечной молодости. Возможно, он не врал – ему так казалось.

Модная стрижка, яркие блузки рожают иллюзию позитивности бытия. Живу в окружении любимых картин, книг и запахов. Я ухожена, маникюр и педикюр мне делает милая услужливая девушка из «Салона красоты». Регулярно посещаю кино, концерты, заполняя пространство суетной подвижностью, случайной болтовнёй со случайными людьми. Приглашаю в гости знакомых, часто шапочных, отчего потом страдаю – не столько жаль потерянного времени, сколько угнетает способность тратить его бездарно.

Как-то, гуляя по набережной реки, приземлилась на скамейку. Из ущелья Самшитовой рощи всегда тянет прохладой, поэтому местные любят тут отдыхать. Рядом пожилая пара продолжает разговор.

– ... Появилось разнообразие, выбор, – пытается что-то доказать мужчина.

Какой выбор? Какое разнообразие? Ему скоро на кладбище. Но требовать от человека, чтобы он был философом нельзя. Он обыватель. И главное – ему хорошо, возможно, он даже счастлив. Завидую. К тому же, их двое.

Нет, один. Женщина продолжает молчать, упрямо поджав губы. Тогда мужчина говорит, словно выбрасывает козырного туза:

– И ещё надежда.

Она смотрит на него с сожалением и опять ничего не отвечает.

Бедняги. Пожалуй, я в лучшем положении. У одиночества свои преимущества. Не сразу и с удивлением привыкаешь быть хозяином собственного времени. Можно не вставать утром, если не хочется, умываться днём, а гулять ночью. Неужели те, кто имеет такую же возможность, её не ценят, не благословляют? Только тогда и становишься собой, когда время лишено рамок. Один лезет в горы, другой сутками сидит с удочкой, а я беру книгу, которую никто не может у меня отнять, и превращаюсь в жадного пожирателя чужих мыслей. Одиночество – не более чем страшилка, одиночество – это свобода.

У самого большого в Хосте магазина уже несколько дней замечаю прилично одетую старую женщину. Вжавшись в угол, она не просит милостыню, но тогда зачем стоит? Подхожу. Я сама не намного моложе, но эта вся в мелких морщинках, словно кожа потрескалась от жара.

– Что, бабуля?

Она не отвечает, только трясёт головой.

– Денег? – спрашиваю и глажу по плечу.

Запавшие глаза наполняются слезами.

– Дочка померла, а зять с внучкой пенсию отбирают. Пьют. Из квартиры в гараж выселили, там и сплю. Моюсь у соседки, спасибо пускает.

Упреждая естественный вопрос, добавляет:

– Везде ходила, везде писала. Отвечают – это ваши семейные дела, мы вмешиваться не можем, права нет, такой, значит, закон...

Бабуля улыбается. Или это гримаса боли? Зачем ей свобода одиночества? Если только в качестве насмешки. Я чуть не насильно всовываю в крепко сжатые руки пятьдесят рублей, которые её не спасут, и собственная жизнь, с рефлексиями, бореньями и потерями, кажется мне слаще мёда.

Поутру глянула в окно на зелёное буйство вечной красоты, вспомнила старушку и сердце защемило: а во мне-то всё не так! Что не то, что не эдак – смутно и неясно, главное – не так. Хочется бежать, лететь, успеть сделать недоделанное, дожить недожитое, отдать неотданное тому, кто нуждается в твоём тепле, в добре, в касании сердца.

Почему мы так бедно, так скупно живём? В какие дальние дали откладываем золото жизни? Немереная сила заложена в каждом изначально. Зачем бороться за лучшее, надо лишь сейчас делать добро и не терпеть зла, вот и вся борьба. Не я это придумала. Но как осознать это раньше, чем откажут ноги, истощатся физические силы. Как успеть с крашеным яичком к Пасхе Христовой?

* * *

Под нажимом соседки, трясусь в автобусе к абхазской границе за дешёвыми мандаринами, которые перекупщики сбывают в Сочи втридорога. Там много чего ещё можно взять. У одной тётки в плетёной корзине лежат и обречённо квохчут живые куры. В круглых жел-

тых глазах стоит страх. Значит, они тоже знают, что умрут. Вся их жизнь – лишь ожидание отложенной казни. И никакая лига защиты животных не охраняет тех, кто выращен на убой. Примерила на себя куриную долю и захотела стать вегетарианкой. Пассивно. Потому что не могу без мяса.

Осваиваю экскурсионные маршруты по Кавказскому побережью и предгорьям, хотя никогда не любила туризм – впечатления стирают друг друга, путаются. Иное дело, когда можно в удовольствие пожить на новом месте, обвыкнуться, проникнуться местным духом. Понять. Но в мои годы и с моими ногами путешествовать тяжело. Лучше сидеть на набережной реки, дышать прозрачным воздухом и слушать, как ледяная струя скачет по булыжникам.

Иногда устраиваю праздник души, соответственно вредный для тела: покупаю хорошее немецкое пиво и копчёного леща, обязательно с икрой, или раков. Летом Кирилл каждый день доставал из холодильника запотевшую бутылку, поэтому к старости нажил пивной животик. Начиная трапезу, думаю о муже, и пиво застревает в горле. «Это твой глоток, мой зайчик», – уверяю я и с трудом проталкиваю жидкость в пищевод.

Нет, вскрывать память скальпелем опасно, можно не остановить кровотечение. Увлекаюсь разделкой костлявой рыбы, и второй стакан идёт легче, но тут меня настигает стыд: я получаю удовольствие, Кирюше уже недоступное. Впрочем, очень может быть, что он сейчас сидит одесную от Бога и смотрит на меня с небесным безучастием, если не с сожалением.

Наверное, *оттуда* человек Земли выглядит пигмеем. Пыжится, хочет стать выше себя, освоил крылья, слетал в космос, но отыскать родную душу в мироздании не способен. Пусть. Поднимаю Кирюшу на фуникулёре над Розой Хутор, показываю молодые пальмы, высаженные на нашей улице взамен тех, что сожгли и поломали заезжие варвары. К Олимпиаде дома в Хосте снаружи покрасили, привели в порядок тротуары, разбили клумбы. «Кира, посмотри, как красиво!» – говорю я мысленно и даже оглядываюсь, чтобы пригласить покойного мужа к совместному созерцанию. Это для других его нет, а для меня он всегда рядом.

Так, беседуя, мы гуляем, и мне не скучно, и только придя домой, я с ознобом ощущаю пустоту мира. Хочется кричать, топтать ногами.

О, боль сердечная, отпусти, я не выдержу.

* * *

Шторм начался как всегда внезапно. Купаться нельзя, но вечером всё равно иду на пляж подышать морской пылью. Крутые волны накатывают на галечную полосу одна за другой без передышки. Кажется, что невозможно так долго держать темп, но вода не умеряет, а только прибавляет напор. Сердито дыбась и всё круче загибаясь белыми кружевами, она, словно с облегчением, падает вниз, ворочая и перетирая камни.

Сию до луны. Она появляется нежно-прозрачная, беззащитная, почти незаметная на бледном фоне, а огромное багряное солнце ещё только готовится утонуть в море. Потом луна остаётся на небе одна, и чем оно темнее, тем ослепительнее и бессердечнее становится её крепкое лицо, на котором проступает тень Каина, держащего на вилах брата Авеля. Далёкие звёзды мигают, словно у них тик.

Заворожённо гляжу на буйство стихии, и, уже уходя, всё оглядываюсь: волны без устали продолжают биться о берег с прежней силой. От чего же устало твоё сердце, Кирюша? Неужели от любви? Вдруг до сумасшествия захотела прильнуть к его могиле.

Кладбища тем пышнее, чем показушнее верит нация. Самые красивые в Италии – *grande cimitera* похожи на выставку роскошных скульптур, этим мастерством у нас мало кто так хорошо владеет. Самые простые кладбища у мусульман – небольшие столбики. Православные несут мёртвым цветы, еду, водку, слёзы – разве это не попытка внушить себе, что иллюзия – именно жизнь, а не вечность? Увольте меня от абсурда – я ещё жива и не очень брезгливым

могу дать себя пощупать, но после смерти предпочитаю, чтобы мой прах заключили в вазу. Жаль, крематория в Сочи нет.

Сельский погост пыльный и унылый. Не верится, что мятежный дух способен найти здесь приют. Нет, Кирюша где-то в другом месте, он никогда не умирал, а просто ушёл туда, откуда не возвращаются. Неужели *там* настолько хорошо? Иногда меня подмывает крикнуть в полный голос: «Кира, кончай валять дурака, я соскучилась!» Он так меня любил, что, не сомневаюсь, предпочёл бы раю. Значит, *там* ничего нет. Тогда где же ты, Кирюша?

Земляной холмик, потрескавшийся от жары, сторожит серая гранитная стела с закрученной кандибобером позолоченной веточкой – предел фантазии местных умельцев. Меня охватывает жгучая горечь несправедливости – уходят хорошие люди, а подонки живут бесконечно и редко болеют. Всегда относилась к собственной персоне без пиетета и не стану лгать, что испытываю сочувствие к себе – ведь это я жива и это мне плохо, а Кириллу хорошо, он ушёл первым, я ему – цветочки, фото целую, а он мне фигу – всё, мол, отдал при жизни. Ладно. В забвении сравниваемся.

Беру билет на самолёт до Москвы, чтобы развеяться. Это движение души очевидно, но за ним скрывается желание навестить прах первого мужа на Новодевичьем, благо кладбище мемориальное, почти в центре Москвы, и мои ноги с нагрузкой справляются сносно.

Когда белая колонна издали проглянула между чёрных надгробий, сердце сделало кульбит и зачастило. Рана моя вдруг оказалась так свежа, словно Дон умер вчера, но застав на мраморе засохший букет, злюсь: неужели, кто-то ещё помнит скрипача, популярного в звонкие шестидесятые, увы, прошлого века? Какая-нибудь перетраханная тёлка. Где она была, когда он стонал по ночам: «Лю-ю-ю-ди!»? Ах, ты мой родной, единственный и неповторимый!

Долго сижу на скамейке между могилами. *Безгласны ветры, и земля внизу тиха, как смерть.* Постепенно успокаиваюсь, ноги отдыхают, на душе просторно. Подкралась дрема... Вздрогнула и очнулась от странной мысли: думая о Доне, я одновременно была и здесь, и там, в том времени счастливой печали, когда мы оба были живы.

Проходящая мимо немолодая пара вдруг останавливается, и женщина в старомодном кожаном пиджаке говорит спутнику:

– Смотри-ка! Орленин! – Качает головой. – Мало прожил. А я-то думала: куда подевался? В юности ходила на его концерты, сторожила у служебного подъезда, чтобы взять автограф. Замечательно играл, и очень был хорош собой. И жену видела, тоже красавица.

Спешно отворачиваю лицо, и напрасно: женщина, успев скользнуть по мне равнодушным взглядом, шагает дальше. Я не похожа на ту, которая стояла рядом с кумиром молодых поклонниц – столько лет прошло, целая жизнь.

Кажется нелепым после многих лет беспечной жизни с Кириллом, ощущать душевные терзания, сопровождавшие мой относительно короткий первый брак. Конечно, со вторым мужем не было ночных застолий, концертной круговерти, общения со знаменитостями и разъедающей бешеной ревности, но моя постель всегда была согрета телом, которое служило только мне. Кирилл умер, и я больше его не слышу, а когда представляю Дона, голова наполняется звуками колоколов, словно он жив и это бьётся его сердце. Проще всего думать, что в ушах стучит моя собственная взволнованная кровь. Нет. Звук плывёт высоко, над макушками голубых кладбищенских елей, переходя в трепещущее пение до предела натянутых струн.

* * *

В Москве ещё тоскливее, чем на юге. Не осталось близких по духу людей, способных несколько часов тащиться с другого конца безразмерного города, чтобы упасть в мои объятия, выслушивая жалобы. Тому, кто дотянул до преклонных лет, ситуация знакома: будто ты вернулся с чужой планеты, и хоть мчался быстрее света, на Земле прошла уже пара сотен лет, а

у звездолётчика всего какой-то десяток, и никто его не узнаёт, даже забыли, зачем посылали. И жизнь другая, и люди новые.

Целый день провела у Тины, посидели за бутылкой «Мукузани», поговорили обо всём – давно не виделись. Вообще-то, я никогда не ходила у неё в любимчиках, у Тины подруг – воз и маленькая тележка, а у меня она самая близкая с тех, незапамятных, ещё институтских, времён. Тина женщина удивительного душевного мужества. В воображении я часто разговариваю с ней, поверяя ускользающие во времени мысли, но вживую общаться с нею стало непросто, она как бы внутренне сопротивляется всему, что я говорю. На её примере видна несостоятельность утверждения, что с возрастом люди становятся терпимее. Широта познания и увесистый багаж опыта мешают ей понимать других, впрочем, она к этому и не стремится. Выговаривает с укоризной:

– Что у тебя за страсть к романам с плохим концом? Нужна хотя бы надежда.

– Ну да, – усмехаюсь я, – была такая дурацкая советская песенка: *Вся жизнь впереди, // Надейся и жди*. Хочешь засунуть голову подмышку, насладиться иллюзией? Пожалуйста. Я предпочитаю соответствие реальности. Всё хорошее – лишь промежуточное состояние между началом и концом, а конец никогда счастливым не бывает, он есть катастрофа по определению. Послушай человека поумнее нас: *Надежда – незаконнорожденное дитя воображения. Надо научиться жить без надежды. Вечная жизнь та, что происходит сейчас*.

Тина фыркнула:

– Видно, сказанул с большого горя.

Пришлось согласиться, что она попала в точку: Набокова душила ностальгия.

На другое моё замечание «Не жалею на себя денег, у нас, стариков, потребности небольшие, а *туда* не возмёшь» Тина раздражается пространной тирадой:

– Напрасно ты так думаешь. Мне денежки очень даже нужны: племянница замуж выходит, теперь в конверты кладут, чтобы сами себе покупали, не то подарят четыре чайных сервиза, а столового ни одного. Сколько дать, чтобы мало не показалось, не знаю. Британцы здорово придумали: к приглашению на свадьбу прикладывается список вещей, которые требуются новобрачным. Внуку на день рождения надо? Надо. А у меня их трое, с невестками, и четверо правнуков подрастают. Лекарства дороже мяса, деньги жрут, как крокодилы. И никаких доходов, кроме пенсии. У детей брать не хочу принципиально, хотя всё равно беру. Хорошо у тебя две квартиры, третью родители оставили, а мы с мужем при жизни всё детям раздали.

Мне становится стыдно. Когда я вышла за Дона, который заменил мне весь мир, мы с Тиной отдалились: моя бурная жизнь не оставляла времени для подруг, впрочем, в той среде, куда я попала, им просто не было места. А вот при Кирилле мы с Тиной встречались уже семьями и очень тепло, наши мужья дружили. Но, похоже, Тину раздражает, что после смерти Дона я так легко и быстро вышла замуж, а она хранит верность первому и единственному. Впрочем, не сомневаюсь, что мужчин у неё побывало достаточно. Возможно, только в приятелях, хотя голову не отрез не дам. Но это всё какие-то странные существа: деревенские соседи, выпивохи, случайные знакомые, ремонтники стиральных машин и холодильников. Все они испытывают к Тине странную тягу. Она и сама не прочь заложить за воротник, любвеобильна и не очень строгой морали – прятала у себя от зятя любовника дочери. Меня Тина в свои тайны не посвящает, просто я наблюдательна. Тем более не осуждаю – моё какое дело, всякий живёт по своим лекалам, человек она хороший, добрый, честный до неудобства. К её претензиям я отношусь снисходительно, они появились в старости, когда Тина возомнила себя оракулом, ей нравится доказывать, как я не права. Да ради Бога, пусть резвится, я искренне её люблю и радуюсь, что она вообще меня не гонит.

Одиночество, которое в большом городе всегда чувствуется острее, прихватило сердце не слабее грудной жабы. От холода и неприкаянности снова устремляюсь в крошечную Хосту, где утро начинается ярким солнцем в глаза, а не грязным ленивым рассветом, как в Москве. С

животным наслаждением умываюсь ледяной водой, а случайно намокнувшая ночнушка мгновенно высыхает прямо на теле. Фальшивая зарядка и чашка душистого кофе, лёгкий сарафан, вьетнамки на босу ногу, пляж, море, которое ласкает до обморока, потом рынок. Лениво копаясь в пестроте овощей и фруктов, каждый месяц новых по запаху и цвету. Продавцы, разомлевшие от жары, терпеливо ждут, когда я найду десяток фиг, именно таких, какие мне нравятся – с лохматой от спелости лиловой мантилей и зовущей сладкой каплей в отверстии, похожей на ту влагу, которой женщина сводит с ума мужчин.

Свежекопчёную рыбу с волшебными запахами канцерогена выбираю ещё с большим наслаждением, живую мне вылавливают из аквариума. В уме прокручивается Багрицкий:

*О, судаки, обваренные маслом,
От жара раскалённого печурки
Покрытые коричневым загаром!*

Неспешно иду домой, ступая по тротуарным плиткам, как по разогретой сковородке. Жар земли поднимается по ногам и проникает снизу, словно распалённый любовник, заставляя млеть от избытка воображаемых желаний.

Дома, оторвав шматок не успевшего остыть грузинского лаваша, жадно поглощаю купленное, глядя в телевизор и запивая молодым вином. Пара часов дневного сна забирает меня, не спрашивая.

Вечером – опять пляж, неспешные гребки и томление. Зелёная вода теплее воздуха нежно льнёт к сиротливой шее. Возвращаюсь через парк уже при свете фонарей. Играет музыка, принарядившиеся курортники заполняют роскошные рестораны и открытые веранды под платанами. Невольно ощущаю себя частью возбуждённой толпы, ожидающей чуда за углом. Мне нравится жить.

Вернувшись домой, зажигаю свет во всех комнатах и, лишь щёлкнув последним выключателем, напрягаюсь: я – одна, не нужна никому и мне никто не нужен, а кто нужен, тот не придет никогда.

* * *

Южной зимой спасает щедрое солнце, но когда серое небо заключает день в тесные объятия и не устающие от бега дожди разыгрывают фуги Баха, собственная никчемность угнетает. Материальный мир ничтожно мал, человек в нём – тень от песчинки, но сознание невидимой нитью связано с бескрайним тонким миром. Иногда эта связь проявляется ощутимо, заставляя ужасаться, испытывать блаженство или мучиться сомнениями: зачем мне оставлено время, если некого обнять? Время без любви, без нежности...

Среди сора минувшего, который я постоянно извлекаю из многочисленных ящичков и шкапулок, попалась довоенная почтовая открытка, раньше на них даже год выпуска указывали, эта – из античного 1938-го. Сепия: толпа москвичей в воскресный день идёт пешком через Крымский мост к ЦПКО – Центральному парку культуры и отдыха имени Горького. Мужчины в светлых рубашках с короткими рукавами и широченных брюках, женщины в белых носочках. Выражение лиц спокойное, деловое. Так и слышится марш: *Мы молодые хозяева земли...* Стоп, виниловая пластинка: все они – до единого! – уже переселились на кладбища. Меня берёт оторопь. У, жестокосердный Бог, зачем ты дал разум тварям с такой судьбой? Хотя всё устроено очень хитро: с возрастом жизнь теряет привлекательность, и её уже не так жаль. Теоретически. Посмотрим, что будет на практике.

Чтобы я не поддавалась греху уныния и радовалась бытию как таковому, Господь начал подбрасывать мне одну за другой хвори. Врачи, анализы, процедуры и таблетки – одни нужно

принимать утром, другие вечером, во время еды или после, а ещё перед сном. Эта пустячная деятельность отвлекает и создаёт подобие осмысленного существования. Кроме того, болезни определяют темы для разговоров с обременёнными недугами соседями, потому что, если один болен, а другой здоров, полноценной беседы не получится.

Время невозможно движется от начала к концу. Отчётливо помню ощущение холода, когда я осознала, что мужчины больше не оборачиваются мне вслед, притом, что фигура моя ещё не потеряла гибкости, шея гладкая, лицо без морщин, разве что овал потерял чёткость. Значит, красота поблекла, и это предвестник гибели формы, которая её приютила. Большая, лучшая часть моей жизни – весёлая и здоровая, с воздушными замками и заманчивыми договорёнными планами – закончилась, я вступила в новую фазу, непредсказуемую и непонятную, чреватую потерями и болью.

Золотые, неповторимые годы, наполненные яркими событиями, уступают место пустопорожним. Их уже тоже немало. День цепляет следующий, как спица петлю. Уже связано внушительное полотно, и как-то незаметно. Если вспоминать отдельное событие, произошедшее, к примеру, три месяца назад, оно кажется далёким, однако сами три месяца пролетели незаметно. Время схлопывается стремительно. Часы не идут, часы текут сквозь твою голову, как текут реки, где в каждой точке каждое мгновение вода уже другая, где можно увидеть дно, но нельзя измерить глубину потери.

Не так давно, заключив союз с болезнями, годы нанесли мне безжалостный удар. Упала на ровном месте, сломав бедренную кость, которую навечно привинтили шурупами к титановой железяке. При современных технологиях, это не проблема, но организм заупрямился, начался артроз суставов, и я оказалась в коляске. Болезненно, но жить вообще больно, так что смиряюсь и терплю. Теперь общение с любимой Хостой ограничено видом из лоджии и памятью.

* * *

Жильё на юге досталась Кириллу по наследству. Пока его родители здравствовали, летом мы скитались по пансионатам и домам отдыха, но я плохо привыкала к санаторным палатам и гостиничным номерам, всё никак не могла расслабиться и начать отдыхать. Как только появилась возможность проводить отпуск в собственном доме, прилипла к Хосте, где могла реализовать свою тягу к постоянству. Обожаю знакомые места.

Самое удивительное: среди сотен маленьких посёлков вдоль кавказского побережья именно Хосту я знала давно, ещё до Кирилла – лишнее подтверждение того, что ничто не случайно. Летом 1945 года, поскольку Крым был разрушен, отец отправил нас с матерью на Кавказ, в нынешний санаторий «Волна», состоявший тогда из одного корпуса. К морю вела вычурная лестница в девяносто ступенек с каменными скамьями и ротондами – архитектор, сдаётся, бредил древними Афинами. Теперь тут почти античные развалины, а лестницу построили новую, без выдумки, и в придачу ещё два здания.

После войны в Хосту съехался генералитет и театральный бомонд. Непосредственно в «Волне» поселились балерина Большого театра Нина Горская – официальная любовница вдового командующего Северным флотом Арсения Григорьевича Головки, знаменитый ленинградский дуэт Дудинская и Сергеев – он демонстрировал поддержки, бросая партнёршу в воду с высоты. Звездочка МХАТа Гошева, чтобы не навредить образу, изящно ступала по камням на высоких каблуках и даже купалась в накладных ресницах. Все молодые, здоровые, счастливые, что окончилась война. Шумной компанией ходили плавать голыми в ночном море. пляж – пустая галечная полоса без конца и края, ни одного фонаря – темень, хоть глаз выколи. Однажды Горская, любительница бриллиантов, прежде чем войти в воду, сняла кольца, браслеты, серьги и положила их в полуботинок генерала, который за нею показушно ухаживал. Её собственные босоножки состояли из нескольких ремешков. Плескались долго, весело, пили из

горлышка молодое местное вино. Генерал вышел раньше других, вытряхнул из туфли набившуюся гальку и обулся. Горская вспомнила о брюликах, когда вернулись в санаторий. Искать что-либо в темноте не имело смысла, да никто и не помнил места, а к утру разразился шторм и волны с безразличием свободной стихии унесли блестящие камушки в царство грозного Нептуна. Валерина беспечно махнула рукой, словно знала, что скоро ей предстоят настоящие потери: разлука с адмиралом, допросы на Лубянке, лагерь в Магадане. Она выдержала – спас характер.

Недалеко от «Волны» в горном пансионате «Красный шторм» отдыхала экс-жена Асафа Мессерера, балетного премьера Большого, Анель Судакевич – художница по театральным костюмам, а прежде киноактриса, сыгравшая главную роль в немом фильме «Месс Менд» по роману Шагинян. Анель с профилем Ахматовой и сыном Борей, моим ровесником, часто спускалась к морю. Горская, её приятельница, толкала в бок мою мать: «Надо их поженить!» Я фыркала – гундосый белобрысый Борька мне не нравился, он тоже не обращал внимания на девочку с бантиками и развлекался тем, что бросал палки в деревья, сообщая: «Две коровы не докинул», «Три коровы...». Что за коровы, я не знала, но было смешно. Теперь Борис Мессерер – знаменитый театральный художник и тусовщик, последний из мужей Ахмадуллиной, к сожалению, уже покойной.

Взрослые часто собирались в беседке и пили местный самогон, закусывая солёными баклажанами и огурцами – лучшим, что можно было купить в единственной дощатой торговой палатке у носатого армянина, который писал на ценниках «помдору», «морысов».

Эти воспоминания отпечатались во мне лёгкостью беззаботного детства, поэтому я ехала с Кириллом в Хосту в приподнятом настроении: возбуждала перспектива вернуться к началу жизни. Впечатление портил пейзаж за окном вагона – жалкие домишки провинциальных посёлков и городов со свалками по окраинам. В этих нечистотах под собственным забором отражался менталитет униженного народа. Потом пошли пальмы, белые здания санаториев, море, и мусор забылся, время закружилось веселее и разнообразнее. Кирюша выглядел счастливым: он вёз на родину женщину своей мечты.

Простой, не очень богатый человек, грезя о рае на Земле, представляет домик на юге и цветущий сад, тёплый ветер и солнце. Этот рай здесь, в Хосте. Узкая полоска лукоморья в душных объятиях зелёных гор. Жару смягчает холодная вода горной реки, вытекающей из Самшитового ущелья. Вдоль неё раскинулись тенистые платаны и магнолии, кипарисы и неаполитанские пинии с белесыми шишками. Цикады и птицы надрываются, словно соревнуясь за золотую медаль, дождь долго не задерживается, солнечные лучи быстро пробиваются даже сквозь случайную серую хмарь. Небольшие домики и пятиэтажки прячутся в щедрой растительности. Жители больших городов не в силах вообразить, как неповторимо прекрасно пахнет постельное бельё, которое сушилось на улице.

Отдыхающие приезжают с фотоаппаратами, с детьми и надеждой на чудо. А чудо – вот оно, плещется у самых ног, купайся в тёплой солёной воде с утра до вечера хоть до посинения. Болеют от перемены климата, сгорают на солнце, но уезжают довольные, демонстрируя облезлые носы северным завистникам. В последнее время русские «дикари» поумнели – слетать на простенький курорт за границу много дешевле, да и отечественный «сервис» не выдерживает сравнения. Кто поумнее и при деньгах – покупает на Кавказе квартиры, эти будут только дорожать, не прогадаешь.

Мы с Кириллом провели на юге лучшую часть совместной жизни, сбежав от спрессованной, агрессивной энергии мегаполиса, в вихреверчении которой просматриваются призрачные столбики праха. Бич старых городов, бытующих на территориях с большой плотностью населения, – они стоят на костях. Наша столица выделяется особо. Когда я увидела список ликвидированных кладбищ Москвы, у меня волосы на голове зашевелились.

Начало положила Екатерина Великая: по её приказу триста погостов после чумы 1771 года были закрыты, пришли в запустение и уничтожены. После её запрета хоронить внутри Белой стены появились новые могилы, в основном при загородных монастырях, коих развелось не меряно. Многие привычные сегодня названия районов проистекли от названия кладбищ: Алтуфьевское, Андроньевское, Бибирёвское, Бутырское, Владыкинское, Воронцовское, Дегунино, Кожуховское, Коломенское, Перервинское, Покровское, Филёвское... Устанешь перечислять. Их ликвидировали безжалостно уже в 1930–40-х годах в связи с застройкой и освоением городских окраин, причём могильные плиты часто использовались в строительстве дорог. На Новой Басманной и сейчас показывают туристам бордюр с поминальной надписью. Новые люди нового жестокого времени запомнили слова философа: *Человек начался с плача по умершему.*

На трех самых крупных московских кладбищах: Дорогомиловском с прилежавшим к нему Еврейским – оно находилось рядом с Можайским шоссе, ныне это чётная сторона Кутузовского проспекта, а также Лазаревском и Семёновском погребали до 1938 года. После их закрытия лишь некоторые могилы особо выдающихся личностей перенесены на Востряковское, Ваганьковское и Новодевичье, в том числе Исаака Левитана и Гоголя. Кстати, тогда и возник миф, что в гробу тело уникального русского прозаика лежало ничком, а голова и вовсе отсутствовала. Впрочем, миф ли? Опровержений не поступало.

Само Новодевичье в его старой части тоже сильно пострадало, это уже не мемориал, а новодел. Очень старых могил почти не осталось – срыты за отсутствием наследников. Но покойник-то куда не делся? Почему его костям отказано в вечном покое? Землица нужна и метод придуман не сегодня. Череп бедного Ёрика тоже выбросили из могилы, чтобы захоронить Офелию. Кошунство. Беспмятные потомки затопчут и новый прах. А память и без того субстанция хрупкая. Если семейные альбомы в одночасье не окажутся на помойке, далёкие праправнуки, тыча пальчиком в пожелтевшее от времени фото, будут весело спрашивать друг у друга: а это кто? Что за тётка? Ничего бабеч. Как звали?

В 1948 по указанию Сталина на месте Дорогомиловского кладбища построили квартал домов для советской элиты, особенно принаровились на месте кладбищ разбивать парки, бульвары, детские площадки. Поверх Лазаревского – детский парк «Фестивальный», люди привычно ходят по трупам в сквере у метро «Сокол» и на Страстном бульваре. Новомодная «Башня 2000» высится на месте кладбища при церкви Святой Елизаветы, постройки 1830 года, представляю, какая там жуткая аура. На Манежной площади и в нижней части улицы Тверской было кладбище Моисеевского монастыря. При рытье котлованов для метро, туннелей, переходов там до сих пор находят человеческие останки. О, беспмятные потомки, кто оквернит ваши кости?

Европейская часть России, по которой прокатилась война с фашистами, тоже топырится поруганными некрополями. В старинной Вязме на костях сорока тысяч советских военнопленных, погибших в немецком концлагере, вольготно раскинулся мясокомбинат и строятся самодовольные коттеджи. Останки одного солдата городские власти перенесли в братскую могилу, а остальных затоптали, забыли и спят спокойно, и мальчиков кровавых не видят не то что наяву, даже во сне. Не дотягивают нравственностью нынешние губернаторы и мэры до Бориски Годунова, обманом севшего на царство. С кем же их сравнить? С приживалами отечества.

Старушка Европа недалеко от нас ушла. Великий Верди похоронил первую, обожаемую жену в Милане на кладбище, которое уже не существует. В этом смысле намного гуманнее буддисты и индуисты, сжигая трупы, пуская прах по ветру или по воде, оставляя себе лишь память. Но что нам, с нашими просторами, пример иноверцев! Собственных проблем выше крыши.

* * *

У городов, стоящих на порушенных крестах, на могилах, цинично лишённых родовых имён, плохая энергетика. Они гибнут в пожарах, подвергаются разрухе и дурным метаморфозам. В 90-е годы Москва превратилась в большой базар. Магазины опустели, а «челноки» оккупировали стадионы, включая безразмерные Лужники, павильоны ВДНХ, подвалы, подвальчики и подворотни. Все словно сошли с ума. Одна часть населения пыталась подороже продать, другая подешевле купить. Снедь была несъедобной, а одежда с браком, приобретённая на вес в Турции и Китае. И за всем стояли очереди. Такого шабаша я больше не помню.

Но так же тягостно лицедреть нынешнюю Москву, бьющую по глазам пренебрежением к историческому прошлому, засиженную, как жирными мухами, скульптурами неугомонного Церетели, совсем уже не Москву, а другой город для других людей, создающих себе причудливое пространство: дома-трубы, дома-карандаши, дома-стекляшки, кубы, эллипсы и иные гигантские геометрические фигуры, возле которых чувствуешь себя униженным и оскорблённым. Не лучше и улы безликих, однообразных типовых построек, населённых монотонно жужжащими роботами. Живая столица превратилась в чёрствый город-офис, в котором за ненадобностью исчезают книжные магазины и библиотеки. Пешеходные улицы и зелёные квадраты вновь зачатых сквериков, похожих на бильярдные столы, ничего не меняют по существу и выглядят как дань моде. Красиво, удобно, спасибо. Но это не Москва, Москву убили.

Гигантизм столицы удручает. Она пухнет, жиреет и ухорашивается. Хвастать тут нечем – это типично имперское явление. Как ни называй – Русь ли, Великая, Белая и Малая России, СССР, Российская Федерация – мы всегда были империей. Огромная, прирастающая метастазами Москва – государство в государстве, с которого провинция, отличающаяся кардинально, стремится брать пример, но выдаёт лишь искажение пропорций. Это разные планеты, их суть нельзя экстраполировать. На самом же деле провинция и есть Россия, она лучше, чище, возможно потому, что беднее, менее развращена и хуже информирована.

Я всегда плохо чувствовала себя в Москве и только в изумрудной Хосте обрела равновесие. Квартира просторная – три комнаты и большая лоджия, где я уже много лет встречаю весну и провожаю осень. Стёкла – от пола до потолка – мягко скользят в алюминиевых пазах, и моя кровать повисает над внутренним двором, заросшим буйной флорой Кавказа.

Запахи юга дарят блаженство. Мясистые лепестки магнолий источают сладкие волны забвения, тонко струится аромат обильно цветущего два раза в год белого бересклета, зонтик тёмно-зелёной мушмулы даёт любительницам дворовых посиделок защиту от летнего дождя и солнца, дикая алыча роняет рано созревшие, никому не нужные плоды. Понизу теснят друг друга кусты вечнозелёных растений, на которые местные жители не обращают внимания, только курортники иногда виновато сорвут веточку розмарина или лавра для зимнего супа в далёкой стороне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.